

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЛУНДИНА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА

ИМЕННЫЕ КАТЕГОРИИ В КАЛИНИНСКИХ ГОВОРАХ
КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

ИС.02.07 - Финно-угорские языки

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тарту - 1977

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор К.Е.МАЙТИНСКАЯ

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
А.Ю.КУННАП
кандидат филологических наук
А.Х.Лаанест

Ведущее учреждение - Петрозаводский государствен-
ный университет им. О.В.Куусинена, кафедра финского
языка.

Защита состоится "13" декабря 1977 г.
в 15 ч. на заседании Специализированного совета
Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора
наук в Тартуском государственном университете
(Эстонская ССР, 202400, г.Тарту, ул. Вилкооми 18, глав-
ное здание университета).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной биб-
лиотеке Тартуского государственного университета.

Автореферат разослан " " 17 мая 1977 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета

Х.К.Рятсел

Диссертация представляет собой исследование категории числа, лично-притяжательности, падежа и степеней сравнения имени в калининских говорах карельского языка. Работа актуальна по проблематике и восполняет пробел в исследовании именных категорий названных говоров, поскольку ранее по этому вопросу имелись лишь отдельные статьи и краткие сведения в двух очерках общего характера^I, системное же описание именных категорий дает возможность проследить черты сходства и расхождения всех трех говоров калининских карел, определить их место среди других диалектов и говоров карельского языка.

Современное состояние бесписьменных языков, в том числе ряда прибалтийско-финских, к которым относится и карельский язык, ставит неотложные задачи по их фиксации и исследованию. Поэтому изучение морфологии имени в калининских говорах, основной материал по которым собран самим автором, повышает актуальность и научную значимость работы.

В целом работу можно охарактеризовать как сопоставительно-описательную, при анализе языковых фактов широко привлекаются данные диалектов и говоров карельского и других прибалтийско-финских языков; содержатся в ней сведения по происхождению и развитию оформителей именных категорий, освещаются теоретические вопросы, связанные с развитием и функционированием этих категорий.

Научные выводы обоснованы на собранном и классифицированном автором обширном диалектологическом материале.

Содержащийся в диссертации материал, его анализ, проведенный автором, и выводы могут практически использоваться специалистами, занимающимися карельским,

^I См. стр. 5 об изученности проблемы.

а также другими прибалтийско-финскими языками, поскольку в научный оборот многие из материалов с их анализом введены впервые.

Целью исследования является следующее:

1. кратко изложить историю происхождения оформителей именных категорий (числа, лично-притяжательности, падежа и степеней сравнения);

2. показать функционирование этих оформителей и их применение в именной сфере говоров;

3. проследить значения имени, которые возникают с употреблением того или иного суффикса;

4. кратко описать синтаксические, аналитико-синтаксические и другие способы выражения именных категорий по калининским говорам.

Основные положения диссертации опубликованы в статьях: "К употреблению показателей множественного числа в калининских говорах карельского языка" (Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. Саранск, 1975), "Партицип в карельском языке" (ж. "Советское финно-угроведение" I. 1976), "Группы слов в связи с их употреблением в форме множественного числа" (сб. "Прибалтийско-финское языковедение". Вып. VI, Л. в печати), излагались в тезисах "К выражению сравнения в карельском языке" (Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV Всесоюзной конференции по финно-угроведению. Петрозаводск, 1974), кроме того, публиковались образцы речи зубцовского говора (сб. "Прибалтийско-финское языковедение". Вып. V, Л., 1971).

Выполненная работа позволяет сделать выводы о следующих основных чертах именного словоизменения калининских говоров, сгруппированных по изучаемым разделам:

В употреблении показателей множественного числа -1, -1oi | -1ei по говорам выявляются расхождения, связанные с разной степенью их применения. Наиболее

своеобразны данные зубцовского говора, для которого характерно особенно интенсивное применение показателя -lo1 | -l3i и наблюдаются случаи плеоназма в применении показателей множественного числа -i, -lo1|-l3i.

Анализ состава и применения лично-притяжательных суффиксов показывает, что их употребление по говорам значительно уже, чем, например, по северно-карельским говорам того же диалекта и еще более локально, чем в финском языке. Говоры имеют тенденцию к передаче значения притяжательности, принадлежности не морфологическими средствами, а чаще всего аналитически.

В падежной системе говоров выделяются падежи, входящие в систему падежей прибалтийско-финского языка - основы. Хотя неравномерно по говорам, но представлены в них древняя форма комитатива на -peh и инструктив. Для говоров характерно функционирование так называемых послеложных падежей, наиболее специфичны они для зубцовского говора. Падежеобразные формы - пролатив и компаратив присущи тодмачевскому и весьегонскому говорам.

По образованию сравнительной степени имен калининские говоры сходны с остальными диалектами и говорами карельского языка. Превосходная степень имен прилагательных и наречий, как и в финском языке, в отличие от остальных прибалтийско-финских языков оформляется особым морфологическим показателем. Значение превосходной степени передается также аналитически, что представляет характерную черту зубцовского говора.

Применение экватива и умеренных, рассматриваемых в главе "Категория степеней сравнения", в говорах довольно продуктивно, но причислять названные образования к степеням сравнения было бы неверно.

Исследованные диалектные материалы позволяют сделать вывод, что из изученных нами говоров особое место занимает зубцовский, характеризующийся рядом инди-

видуальных черт.

Диссертация изложена на 193 страницах машинописного текста, состоит из предисловия, введения, четырех глав и заключения. Прилагается список использованных источников и литературы.

Х

Х

Х

Часть карельского народа с территории Приладожья и Карельского перешейка в первой половине XVII века после заключения Столбовского мира (1617 г.) переселилась в глубь Русского государства. Та группа карел, которая поселилась в верховьях реки Волги и на Бежцком Верху, получила название верхневолжских (т.е. тверских, или калининских).

По современному административному делению карелы в Калининской области населяют полностью или частично 9 районов. Наиболее компактные массы карельского населения приходятся на Лихославльский, Спировский, Максатихинский и Рамешковский районы области. Вторая группа карельских деревень находится в Весьегонском и Сандовском районах. Третья группа карел, которая в научной литературе известна под названием "зубцовские", или "держинские" карелы, проживает среди русского населения в районе Погорелого Городища.

По данным Всесоюзной переписи 1970 г. в пределах РСФСР проживает 146 тыс. карел, из них 38,1 тыс. — на территории Калининской области.

Говоры калининских карел относятся к собственно карельскому диалекту карельского языка и в научной литературе подразделяются на тодмачевский, весьегонский и зубцовский. В языковом отношении к калининским карелам наиболее близки валдайские карелы Новгородской области и тихвинские — Ленинградской области, а также паданские и ухтинские карелы Карельской АССР, говоры которых относятся также к собственно карельскому диалекту.

Вопросы переселения, отдельные этнографические стороны жизни карел, поселившихся в Верхневолжье, нашли освещение в ряде исторических и этнографических исследований дореволюционного и советского периодов.

В конце прошлого и начале этого века лингвистический и фольклорный материал у тверских карел собирали финляндские исследователи (В.Аава, К.Карьялайнен, Й.Куйола).

За последние 10-15 лет сбор материала среди калининских карел был особенно интенсивным. Успешно проходили экспедиции сотрудников сектора языкознания Института ЯИИ Карельского филиала АН СССР, со студентами Тартуского университета неоднократно записывала материал у зубцовских карел П.Пальмеос, у толмачевских карел производил свои записи проф. Хельсинкского университета П.Виртаранта.

Именные категории калининских говоров не являлись предметом специального исследования. Некоторые вопросы по данной теме освещены в отдельных работах А.А.Белякова, Г.Н.Макарова, П.Пальмеос, А.Лаанеста I.

I А.А.Беляков, Морфологическая система собственно-карельского диалекта (калининское наречие). - Труды Карельского филиала АН СССР, выпуск I, серия лингвистическая. Петрозаводск, 1954; А.А.Беляков, Окончание партитива в карельском языке карел Калининской области. - Вопросы финноугорского языкознания. - Грамматика и лексикология. Москва - Ленинград, 1964; Г.Н.Макаров, Карельский язык. - Языки народов СССР II. Финноугорские и самодийские языки. Москва, 1966; Paimo, P. Hilistekkinud käändet karjala Djozja murrakus. - Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja 72. Helsinki. 1973; А.Лаанест, Прибалтийско-финские языки. - Основы финно-угорского языкознания. (Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки). Москва, 1975.

Отсутствием монографического описания именных категорий в говорах калининских карел и малой изученностью даже отдельных явлений в этой области продиктована тема реферируемой диссертации.

Основной языковой материал по всем говорам (по зубцовскому говору полностью) был собран автором диссертации в полевых условиях во время командировок с 1966 года по 1973 год. В качестве иллюстративного материала использовались также тексты сборника Г.Н. Макарова "Образцы карельской речи" (калининские говоры). (М.-Л., 1963) и расписывались примеры из сборников по прибалтийско-финским языкам и карельскому языку, собранных по тверским говорам финляндскими исследователями.

При расшифровке авторских магнитофонных записей использовалась финно-угорская фонематическая транскрипция в полугрубом варианте.

Глава первая. Категория числа. Е д и н с т в е н н о е ч и с л о. Для карельского языка, как для прибалтийско-финских и большинства финно-угорских языков, характерна двучленная система противопоставления форм числа. Форма единственного числа в карельском языке не маркирована, т.е. не имеет показателя ни в номинативе, ни в косвенных падежах.

Имена по их употреблению в единственном числе можно подразделить следующим образом: 1) имена, употребляемые как в форме единственного, так и множественного числа; 2) имена, употребляемые только в форме единственного числа; 3) имена, употребляемые преимущественно, или в определенных значениях, в форме единственного числа.

М н о ж е с т в е н н о е ч и с л о. Для прибалтийско-финских языков характерно употребление в системе косвенных падежей показателя $-i$, для всех карельских диалектов специфическим оформителем катего-

рии множественного числа является суффикс -loj|-löt. Признаком множественного числа в номинативе является суффикс -t.

Вопросов применения показателей множественного числа в карельских диалектах касались А.Генетц, Э.Ахтия, Д.В.Бубрих, А.А.Беляков, Г.Н.Макаров, П.Пальмеос.

Показатель множественного числа -t. Показатель множественного числа -t возводится к протоуральскому периоду.

Показатель множественного числа -t в калининских говорах карельского языка, как и в других прибалтийско-финских языках, присоединяется к гласной основе имен в номинативе множественного числа. Далее в работе рассматриваются закономерности использования показателя -t в зависимости от основ имени.

В подавляющем большинстве случаев форма единственного числа имен противопоставляется форме множественного числа по принципу количества, счета предметов. Однако в калининских говорах, как и в других говорах и диалектах карельского языка, можно выделить группы имен существительных, где единственное число противопоставляется множественному по возможности измерения объема, массы предметов, веществ: voi 'масло', voi-t 'масло все'; jätki 'деготь', jätkit 'деготь весь' и т.д.

Присоединение показателя -t личным именам существительным придает значение собирательности; в таком случае они могут обозначать членов одной семьи или родственников: kullut 'Кулевы', Balkovat 'Балковы' и т.д.

Показатель -t может менять не только грамматическую форму, но и лексическое значение слова: rawda 'железо', rawvat 'удила'; kivi 'камень', kivet 'жернова'; kurgit 'журавль', kurret 'цыпки' и т.д.

Суффиксом -t оформлены во всех говорах имена су-

ществительные, не употребляемые или редко употребляемые в форме единственного числа. В работе выделяются четыре группы подсобных имен.

Показатель множественного числа *-i*. Признак множественного числа *-i* получил большое распространение в прибалтийско-финских и саамском языках, выступая в косвенных падежах. Широко он употребляется и в рассматриваемых нами говорах, где представлен во всех косвенных падежах, кроме генитива.

Показатель *-i* присоединяется к следующим именам:

а) к двусложным с основой на *a, ä*: *T pada* 'горшок', *pačoissa* 'в горшках', *kana* 'курица', *kanoilla* 'у кур'; *3 küi* 'деревня', *küissä* 'в деревнях', *kulm* 'бровь', *kulmill* 'на бровях';

б) к двусложным именам с основой на *e*: *lapsi* 'ребенок', *lapse-*, *lapsilla* 'детям'; *naine* 'женщина', *naize-*, *naizinke* 'с женщинами'. Однако большая часть имен с данной основой принимает показатель *-loi|-löi*;

в) к двусложным именам с основой на *ua, uo, üö*: *kiuua* 'печь', *kiuuaissa* 'в печах', *katüt* 'долька', *kätük-*, *kätükzie* 'дольек', *olut* 'пиво', *oluo-*, *oluzie* 'пива';

г) к двусложным именам с основой на *ia, iä, k* которым иногда вместо *-i* присоединяется показатель *-loi|-löi*: *keviä* 'весна', *keviäisillä* и *kevällä* 'веснами';

д) к двусложным именам с основой на *ie*: *kabie* 'копыто', *kabeissa* 'в копытах', *late* 'под', *lattie-*, *lattieida* 'полов'; по зубцовскому говору часть имен данной группы имеет показатель *-loi|-löi*;

е) к трехсложным именам с основами на *a, ä*: *T haaara* 'обух', *haaaroilla* 'обухами', *kavala* 'лапа', *kävälisillä* 'лапами'; *3 ikkun^a* 'окно', *ikkunoill* 'на окнах', *värtin^a* 'веретено', *värti-*

näist 'с веретен';

ж) к некоторым трехсложным именам, у которых основа не совпадает с основой номинатива (в отличие от предыдущего случая): pereh 'семья', perehe-, perehissä 'в семьях', ruoraa 'груда камней', ruoraha-, ruorahissa 'в кучах камней'; 3 lammas 'овца', lamb^aha-, lamb^ahill 'у овец', kuhlas 'суслон', kuhlana-, kuhlissä 'в суслонах'.

Присоединение показателя множественного числа -i к имени в основе последнего вызывает некоторые звуковые изменения:

а) При наличии е или лабиального гласного в первом слове в двусложных именах выпадает конечная гласная а, а: messa 'лес', meçissä 'в лесах', šoma 'красивый', šomilla 'у красивых', küä 'деревня', külässä 'в деревнях'.

б) Присоединяясь к двусложным и трехсложным основам на а, ä: с последними -i образует дифтонг oi|oi: paikka 'платок', paikoissa 'в платках', kavalä 'лапа', kavaläista 'из лап'; у двусложных имен типа kiwua конечный дифтонг ua отпадает и заменяется другим (ai): šuарua 'сапог', šuарuаissa 'в сапогах', kiwua 'печь', kiwuailla 'на печах'; в двусложных именах с основой на ie также происходит замена дифтонга: kавie 'копыто', kавeida 'копыт', pehme 'мягкий', pehmeida 'мягких'.

в) При присоединении -i в трехсложных именах с основой на е происходит отпадение е: šammal 'мох', šammale-, šammalilla 'мхами', kirves 'топор', kirvehe-, kirvenillä 'топорами'.

В говорах наблюдаются случаи особого употребления форм множественного числа на -i при единичности называемых предметов и явлений:

а) В первую очередь сюда относится обширная группа имен с неполной парадигмой, имеющих в ряде случаев

соответствия в других прибалтийско-финских языках: *TB olla naizissa* 'быть женатым'; *olla kavoksissa* 'быть потерянными' (букв. 'в потерях'); *olla kumlovilla* 'быть известными' и т.д.

б) Особую группу составляют имена, обозначающие игры и имеющие также неполную парадигму (по всеёгонскому и зубцовскому говорам): *B kizata g'aliziin* 'играть в прятки'; *kizata kaziziin* 'играть в кошки-мышки'; *3 kizat peittoziin* 'играть в прятки'; *kizata^a sokkoziin* 'играть в шурки' и т.д.

в) Имена, обозначающие предметы одежды и обуви, независимо от того, являются ли эти предметы парными или непарными, при указании на то, во что одет человек, употребляются только в форме множественного числа: *T arogah lähet ajaman tulupoissa* 'в дорогу отправиться в тулупе' (букв. 'в тулупах'); *istuw perussa saarkoissa* 'сидит в избе в шапке' (букв. 'в шапках'); *3 leikkimä lähet räsöissä* 'зять идешь в рубашке' (букв. 'в рубашках') и т.п.

г) Обычно в форме множественного числа выступают имена существительные, обозначающие занятия, следующего типа: *T annettih minn painenih* 'отдали меня в пастухи'; *3 sūtraisat lähtei nänkih* 'девочки пошли в няньки'.

Показатель множественного числа *-loi|-lasi*. По мнению Д.В.Бубриха, а также А.А.Белякова, первичный отыменный суффикс *-i*, означавший место или собирательное целое типа *Kalevala* 'страна Калевы' или 'род Калевы', впоследствии использовался для обозначения места в новообразованиях типа *ruokala* 'столовая' ('место еды'). Данный суффикс в комбинации с *i*-овым стал оформителем множественного числа *-loi|-lasi* в карельском языке. И.Раппа и Л.Хакудинен считают, что *-lo* первоначально был деминутивным суффиксом. Наиболее убедительна точка зрения А.Адвре, утверждающего,

что формы на -loi|-lõi стали употребляться у слов на -oi|-õi, -lo, имеющих уменьшительно-ласкательное значение.

Общепризнано, что рассматриваемый суффикс формировался после распада прибалтийско-финского языка - основы в ареале карельского языка и выявляется также в языках, связанных с карельским. В однослженных основах карельского языка, оканчивающихся дифтонгом, i-овая основа множественного числа прибалтийско-финского праязыка сохраняется редко, чаще всего также имена получают показатель более позднего происхождения, а именно, рассматриваемый нами суффикс -loi|-lõi. Например, T vüb 'пояс', vüvlõida 'поясов', maа 'земля', maaloissa 'в землях', tai 'вошь', tailõilla 'вшаи', piä 'голова', piälõista 'с голов', voi 'масло', voilõida 'масел', puu 'дерево', puuloissa 'в деревьях'.

По нашим наблюдениям, по образованию множественного числа двуслженные имена существительные зубцовского говора отличаются от подобных имен толмачевского и весьеговского говоров.

Соответствующие расхождения показывают определенные закономерности:

а) Если имена на а, ё в толмачевском и весьеговском говорах получают только показатель -i, то в зубцовском говоре может употребляться как показатель -loi|-lõi так и -i.

Например, 3 lepp^a 'ольха', leppilõiss 'в ольхах', T leppissä 'в ольхах'; 3 rinda 'ворот', rindloi 'воротов'; T rindõida 'воротов'; 3 messi 'лес', aiји messiõi 'много лесов'; T messiä 'лесов'; 3 kežä 'лето', kežilõill 'летами', T kežie 'лет'; 3 huab^a 'осина', huabloi 'осин', T huabõida 'осин'; 3 händ^a 'хвост', händlõi 'хвостов', T händõida 'хвостов'. И наряду с этим: 3 huaboist 'с осин', messiä 'в лесах', kežist 'из лет'.

б) Из двусложных имен на е во всех говорах часть принимает показатель -i, но большая часть этих имен имеет показатель -loi|-lži: T lumi 'снег', lumi-loissa 'в снегах', 3 lumloiss 'в снегах'; T kieli 'язык', kielišida 'языков', 3 kieliš'i 'языков'; tuli 'огонь', tuliloista 'из огней'; T tähti 'звезда', tähtišillä 'на звездах'. Отдельные расхождения все же имеет место; так в голмачевском и весьегонском говорах имена suoni 'жида', ruine 'кадка' принимают безразлично оба показателя: -i и -loi, по зубцовскому же говору предпочтение отдается показателю -loi: suaniloi 'жида', ruizloiss 'в кадках'.

Показатель -loi|-lži по калнинским говорам присоединяется ко всем двусложным основам на о, ѓ, и, ü: ТВ kando 'пень', kandoilla 'на пнях'; 3 kaiv^o 'колодец', kaiv^oloiss 'в колодцах'; tütt^o 'девушка', tütt^ošil 'девушкам'; Т koivu 'береза', koi-tiloissa 'в березах'; kabi 'шишка', kabišista 'из шишек'.

в) Двусложные основы на i во всех говорах имеют также показатель -loi|-lži: ТВ närti 'скирда', närtišissä 'в скирдах', kazi 'кошка', kaziloilla 'у кошек'; 3 varci 'мешок', varciš'iss 'в мешках'; слово kazi 'рука' может принимать во всех говорах как показатель -lži, так и -i, в зубцовском говоре предпочитается форма с -lži: kaziš'i 'рук'.

г) Двусложные имена suarua 'сапог', kiwua 'печь' в голмачевском говоре имеют показатель -i: suaruaista 'из сапог', suaruailla 'на сапогах', kiwuailla 'с печей', kiwuaih 'в печи'; в зубцовском же говоре suarui 'сапог', kiwui 'печь' получают показатель -loi: suaruiloi 'сапог' (partit.), kiwuiloiš 'из печей'. Наряду с данной формой можно встретить и следующую: suaruiloi 'сапог', kiwuiloiš 'в печах'. (Здесь имеет место совершенно ис-

ключительное употребление сочетания двух показателей множественного числа).

д) Двусложные имена на ia|iä в калининских говорах, как правило, получают оба показателя: keviä 'весна', keviällä и keviälbiällä 'веснами'; кроме того, по зубцовскому говору с показателем -loi могут выступать и имена на ie: late 'пол', lattie-, lattieloi 'полов', azia 'дело', azie-, aziloi 'дел', valgie 'белый', valgie-, valgiloi 'белых'.

Из трехсложных имен показатель -loi|-lbi присоединяется к именам на o, ö, u, ü, i: TB purdilo 'блюдо', purdiloloissa 'в блюдах', hämahikkö 'паук', hämahikköistä 'от пауков', sverezä 'поса', sverezälbiä 'в посах'.

Глава вторая. Категория лично-притяжательности.
Выражение лично-притяжательных отношений по отдельным финно-угорским языкам имеет свои особенности. Характерная для прибалтийско-финских языков лично-притяжательная суффиксация в наибольшей степени присуща финскому языку. По остальным прибалтийско-финским языкам лично-притяжательные суффиксы представлены значительно беднее, особенно при указании на множественное число обладателей. Выражение отношений принадлежности и притяжания в прибалтийско-финских языках исследовалось Ю.Марком, в ижорском - П.Аристе и А.Лаанестом, в водском - П.Аристе. Основная сфера применения лично-притяжательной суффиксации - язык фольклорных прозаических произведений; в настоящее время морфологический способ передачи указанных отношений все более заменяется синтаксическим.

В карельском языке, как вообще в современных прибалтийско-финских языках, лично-притяжательные суффиксы не различаются по указанию на число обладаемых. В говорах калининских карел они представлены следующим образом:

	единственное число	множественное число
1 л. -	-n, -ni, -(ze)ni	-
2 л. -	-š	-š
3 л. -	-h	-h

Указанные лично-притяжательные суффиксы в принципе и конечном счете восходят к личным местоимениям. Они присоединяются прежде всего к именам существительным и выступают в своей основной функции - притяжательной.

В калининских говорах лично-притяжательные суффиксы чаще всего употребляются:

1) при терминах родства: *muatkon* 'её свекровь', *velles* 'твой брат', *sikkoh* 'его (её) сестра' и т.д. Суффикс I лица при терминах родства выступает исключительно только в форме вокатива (то есть, применяясь при обращении) и имеет две функции: указывает на принадлежность и выражает оттенок уменьшительности-ласкательности: *poigan* 'сын мой', *tuattozeni* 'бабушка мой' и т.д.;

2) при именах в значении русского местоимения 'свой': *nowzi i ottahuo postelih laksi* 'он поднялся и, взяв свою (его) постель, пошел'; *T ammuin go laksiit koistas?* 'давно ли ты из своего (твоего) дома?' и т.д.;

3) при именах существительных, обозначающих части тела: *T omastas riastas sanoit taman?* 'по своей догадке (букв. 'из твоей головы') сказал это?' и т.д.

В связи с употреблением лично-притяжательной суффиксации выявляются случаи плеоназма партитивных окончаний: *hian ei muissa dieudoah* 'он не помнит своего деда' и т.д. Двойное партитивное окончание наблюдается и у местоименного слова *oma* 'свой', оформленного лично-притяжательными суффиксами: *omuadah herpehta nevois ei zih* 'своего горшка небось не ест' и т.д.

Имена существительные, употребляясь в форме комитатива I, всегда оформляются лично-притяжательным суффиксом -h, так как в этом случае они, обозначая нахождение лица или предмета с кем-либо, с чем-либо, семантически близки к указанию на принадлежность: regehineh 'со своей семьей', roigineh 'со своим сыном' ('сыновьями'), jalgoineh 'со своими ногами' и т.д.

Далее в данной главе автор рассматривает применение лично-притяжательных суффиксов:

а) с личными местоимениями 2-го и 3-го лица в форме единственного и множественного числа. Функцией лично-притяжательных суффиксов в этом случае является усиление и подчеркивание лица. Различия в оформлении единственного и множественного числа не наблюдается: 2-ое лицо единственного числа: siwstaš zanua at sua 'от тебя слова не дождешься'; 2-ое лицо множественного числа: ka mie i šanelen teilās 'вот я и рассказываю вам'; 3-ее лицо единственного числа: hanelāh oī kuldane kolcane 'у ней было золотое колечко'; 3-е лицо множественного числа: kado heilāh kazine 'пропал у них котенок';

б) с возвратным местоимением ice 'сам' для указания на 2-ое и 3-е лицо единственного и множественного числа: iceš 'ты сам', 'вы сами'; iceh 'он сам', 'они сами';

в) с местоименным словом oma 'свой', 'своя', 'свое' для подчеркивания принадлежности 2-ому или 3-ему лицу: omallah emallah 'со своим братом', omallah emallah 'своей матери' и т.д.

Лично-притяжательное оформление имени существительные и местоимения сохраняют и в случае их употребления с послелогами и в послеложных падежах.

В заключение главы рассматривается применение лично-притяжательной суффиксации при наречиях (где

они не имеют притяжательного значения) и выражение притяжательных отношений без применения лично-притяжательных суффиксов. Обозначения притяжательно-принадлежностных отношений синтаксическим способом, при котором основную функцию выполняют личные местоимения в генитивной форме, выступавшие как притяжательные, типично для калининских говоров; лично-притяжательная же суффиксация применяется все более ограничено, наиболее скудно она представлена в зубцовском говоре.

Глава третья. Категория падежа. В главе рассматривается падежная система калининских говоров и оформители падежей, исследуются падежи более позднего, вторичного образования — послеложные, а также формы, близкие к падежам, — падежеобразные.

В начале главы автор освещает теоретические вопросы, связанные с толкованием категории падежа; расхождения по составу падежных систем, установленных разными авторами (А.Генетцом, Э.Ахтия, А.А.Беляковым, Г.Н.Макаровым, П.Пальмеос) в карельском языке, объясняются расхождениями в диалектах и говорах карельского языка, исследованных авторами. Немаловажную роль при определении количества падежей играл подход авторов к определению сущности падежей и, прежде всего, к вопросу о разграничении падежей от наречий и послеложных конструкций.

Н о м и н а т и в в карельском языке не имеет какого-либо морфологического оформителя, поэтому его называют падежом с нулевым окончанием.

Г е н и т и в единственного числа имеет окончание -н. Формы единственного числа генитива для всех прибалтийско-финских языков являются близкими, формы же множественного числа более разнообразны. В калининских говорах используется генитив со слабой степенью чередования согласных, в переводах евангелия от Матфея и евангелия от Марка формы генитива множественно-

го числа употребляются исключительно с окончанием -ien. Названная форма в современных говорах встречается редко.

П а р т и т и в в исследуемых говорах отличается особым разнообразием окончаний. В толмачевском и весьегонском говорах окончания партитива в зависимости от основы имени следующие: -ua, -uo|-üö, -ia, -da|-dä, -ta|-tä; по зубцовскому говору в соответствии с его фонетическими закономерностями выступают следующие окончания и их варианты: -ua (-u, -ü), -ia, (-i), -ia|-iä: koreikkua 'копейки', vastu 'веника', manlū 'сока' (березового), leibia 'хлеба', rüvini 'рябину', olgia 'солонь', vägia 'силы'. В форме множественного числа по толмачевскому и весьегонскому говорам партитивными окончаниями являются: -da|-dä, -e; для зубцовского говора в подавляющем большинстве случаев характерно отсутствие окончаний. В отличие от толмачевского говора, где употребление прямого дополнения в партитиве связано с формой единственного числа, в зубцовском говоре в аналогичном случае применяется форма множественного числа имени; в этом же говоре имена существительные в партитиве в сочетании со словами ajiä 'много', väni 'мало', moni 'несколько' и т.д. имеют совершенно особое употребление в форме множественного числа: aija tüttäivi 'много девушек', moni vuaziloi 'несколько лет'.

Э с с и в оформлен окончаниями -na|-nä (толмачевский и весьегонский говоры), -n (зубцовский говор): T kantena üöna 'двумя ночами'; 3 tüttän 'девушкой'. Апокопа конечной гласной в зубцовском говоре является одним из проявлений общей фонетической закономерности говора. Имена в эссеиве выступают в основном в форме единственного числа.

Т р а в с л а т и в имеет окончания: -kai в

единственном числе, -ksi во множественном: kiveksi
'в камень', kiviiöiksi 'в камни'.

В падежную систему карельского языка входит а б е с с и в , окончаниями которого являются -tta|-ttä: lapsetta 'без ребенка', vejetä 'без воды'.

В карельских говорах употребляется два комитативных падежа: древний комитатив на -nen, в работе называемый к о м и т а т и в I, и сравнительно новый комитатив последнего происхождения. Комитатив I, генетически сопоставимый с формой финского комитатива на на (en), также оформляется лично-притяжательной суффиксацией; он не приспособлен для выражения числовых различий: poigineh 'с сыновьями', perehineh 'с семьей'.

В падежную систему говоров автор вводит и н с т р у к т и в , хотя как самостоятельный падеж он признается далеко не всеми исследователями карельского языка: некоторые считают его наречным образованием, часть же рассматривает его как падежеобразную форму. Окончанием инструктива является -n, присоединяемое к гласной основе имени вслед за показателем множественного числа -i, поскольку инструктив имеет, как правило, форму множественного числа (в единственном же он сходен с генитивом): kaksiin käsiin 'двумя руками', vakoin 'мерами'.

Местные падежи. В системе местных падежей в работе рассматриваются внутриместные и внешнеместные падежи. В исследуемых говорах выделяются три внутриместных падежа: и н е с с и в , э д а т и в и и л д а т и в . Инессив и эдатив по образованию мало отличаются от соответствующих падежей близкородственного финского языка. Инессив имеет следующие окончания: в форме единственного числа: -saa|-sää, -sää|-vää, присоединяемые к слабой основе единственного числа;

в форме множественного числа характерно окончание -ssa|-ssä. Имена в элативе в единственном числе получают окончание -sta|-stä, -sta|-stä, в форме множественного числа -sta|-stä, -sta|-stä. В форме иллатива имена существительные имеют окончание -h как в единственном, так и во множественном числе: messäh 'в лес', messih 'в лес'. Иллативное окончание восходит к -hen, -sen.

Внешнеместные падежи в калининских говорах представлены лишь двумя падежами: адессивом и аблативом, поскольку иллатив по форме совпадает с адессивом. Для внешнеместных падежей специфичен суффикс -l; окончанием адессива является -lla|-llä, элатива -lda|-ldä: katoksella 'на крыше', katokselda 'с крыши'.

Особый раздел в главе отведен рассмотрению последоженных падежей, вопрос о которых относится к наиболее спорным вопросам категории падежа. Проблему последоженных падежей на материале финно-угорских языков рассматривали К.Е.Майтинская, П.С.Кузнецов и др. Вопрос об образовании вторичных падежей последожного происхождения в прибалтийско-финских языках, в том числе и карельском, исследовался в работах Э.М.Дубровиной, М.М.Хямляйнена, Ф.Ойнаса; П.Пальмеос рассматривает последоженные падежи в валдайском говоре, а также у калининских карел в зубцовском говоре. Признаки перехода последологов в падежные окончания нами определяются на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, кроме того, в работе учитывается и лексический уровень: утрата последологами самостоятельного лексического, семантического значения. Существенным признаком является согласование определения с определяемым словом, т.е. повторение окончания и при определении: zäzilüsh brhälluo 'к этому парню' и т.д.

В системе вторичных падежей последожного образо-

вания по калининским говорам автором выделяются и рассматриваются следующие падежи: аппроксиматив, эгрессив и комитатив II. Окончаниями аппроксиматива являются -llu, -llua, -llü, -lluh, -llüa, образуемые слиянием генитивного форманта -n и послелого luo 'к', luoh 'к' путем ассимиляции -n с последующим l: pertillu 'к дому', lanmäilü 'к корове', kiriköllüa 'к церкви', pellolluh 'к полю'. Самое полное развитие аппроксиматив получил в зубцовском говоре, по толмачевскому и весьегонскому говорам его нельзя считать полноценным падежом. Лишь у зубцовских карел отмечены случаи сравнительно редкого употребления эгрессива, падежа со значением отделения от чего-либо или указания места рядом с чем-либо. По своим функциям этот падеж частично аналогичен аблативу; окончания эгрессива -ldu|-ldü, -ldua|-ldüa восходят к послелогу luoba 'от', подвергнутому значительной фонетической переработке: mešaldü 'от леса', kaivoldu 'от колодца'. Для передачи значения совместности, сопроводительности применяется комитатив II, т.е. комитативная форма последственного образования, окончаниями которой являются -kke, -kkeh, -kke, -kkeh, -kke, -kkeh, большинством авторов связываемые с послелогом keka 'с': teŋginkke 'с ведром', vellinkke 'с матерью', vellinkke 'с братом', naravoikke 'с граблями', tüttsibikkeh 'с девушками'.

В разделе главы, посвященном падежеобразным формам имени, автор выделяет и рассматривает пролативные и компаративные (аллативного происхождения) образования, лишь приближающиеся к падежам: названные формы не могут причисляться к ним, поскольку не имеют числовых различий, определения при них выступают исключительно редко. Примеры употребления пролатива: tanhuoŋsi 'двором', sillakkii 'мостом', 'через мост'; компа-

ратива: mesäileh 'быть похожим на лес, выглядеть лесом' (о кустарнике); tirane on kapalleh 'цыпленок похож на курочку'.

Глава четвертая. Категория степеней сравнения. В начале главы рассматриваются вопросы происхождения и развития оформителей сравнительной и превосходной степеней имен прилагательных.

В исследуемых говорах для выражения значения сравнительной степени используется морфологический показатель, имеющий общее генетическое происхождение для всех прибалтийско-финских и саамского языков. В номинативе, партитиве, иллативе и эссиве у имен прилагательных в сравнительной степени выступает суффикс -mb, в остальных падежах -mmb(-mmb-). Сравнительная степень от наречий в толмачевском и весьегонском говорах образуется с помощью суффикса -mmb(-mmb-); в зубцовском же говоре используется: 1. показатель -mmb-, (-mmb-) в сочетании с транслативным суффиксом -ka: alemmaksi 'ниже'; 2. показатель -mb: aivomb 'раньше'. Во втором случае в образовании сравнительной степени наблюдается определенное сходство с лодиковским диалектом карельского языка и с вепским языком.

В прибалтийско-финских языках, кроме финского и карельского языков, сравнительная степень употребляется в значении превосходной. Оформителем превосходной степени в этих языках является суффикс -in, в косвенных падежах имена прилагательные выступают с суффиксом -immb(-immb-). Для подчеркивания значения превосходной степени к именам в форме сравнительной или превосходной ступеней присоединяются слова: kaikkie, kaikkiein, vaimoi. Для зубцовского говора данный способ передачи значения превосходной степени является основным.

В главе обособленно рассматриваются образования, употребляемые в карельском языке вне всякого сравне-

ния. К ним относятся модеративы, этимологические фигуры, передающие высокую степень качества, образования, выражающие субъективную оценку степени качества. Автор считает, что экватив (так называемая тождественная степень) также не относится к степеням сравнения имен.

Диссертация завершается заключением, в котором обобщены различия и сходства калининских говоров по исследуемым категориям (см. стр. 2-4 данного реферата).

По теме диссертации и с использованием
ее материалов опубликовано
следующее:

1. К употреблению показателей множественного числа в калининских говорах карельского языка. Вопросы советского финно-угроведения. Языковедение (Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению). Саранск, 1972, стр. 125-126.

2. К выражению сравнения в карельском языке. - Вопросы советского финно-угроведения. (Тезисы докладов и сообщений на XV Всесоюзной конференции по финно-угроведению). Петрозаводск, 1974, стр. 20-21.

3. Партитив в карельском языке. - СФУ 1976, № I, стр. 21-27.

4. К употреблению показателей множественного числа в калининских говорах карельского языка. - Вопросы советского финно-угроведения. Выпуск VI. Саранск, 1975, стр. 161-166.

5. Образцы карельской речи (зубцовский говор). - Прибалтийско-финское языковедение (Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с индоевропейскими языками). Выпуск J. I., 1971, стр. 128-135.

6. Группы слов в связи с их употреблением в форме множественного числа.- Прибалтийско-финское языкознание. Выпуск УІ. Д. (в печ.).

Принятые сокращения

В - весьегонский говор калининских карел.

З - зубцовский говор калининских карел.

Т - тодмачевский говор калининских карел.